

Дорога выдалась ухабистой, от очередного толчка машины Тао Чжэньчжэнь сонно открыла глаза и только тогда осознала, что неизвестно когда задремала.

Когда все хлопоты с похоронами наконец завершились, она приняла волевое решение: заперла родительский дом, оставила один ключ кому-то из старших соседей, с которыми была знакома с детства, попросив присмотреть за хозяйством, после чего поймала в деревне машину и велела ехать к вокзалу высокоскоростных поездов.

Она бросила несколько взглядов в автомобильное окно. Погода стояла чудесная, день выдался на редкость ясным: высокое синее небо, чистое, будто вымытое. В Бэйчэн редко доводилось увидеть такое небо.

Посмотрев еще немного, она отвела взгляд и перевела его на спавшую рядом маленькую девочку.

Фарфорово-белая кожа, черные и мягкие волосы — все это досталось ей от матери. Что же до черт лица — походили ли они больше на нее или на кого-то другого, — она никогда не разглядывала их пристально. По правде говоря, все эти годы она намеренно игнорировала само существование ребенка. Те редкие крупницы информации, что ей были известны, отец рассказывал по телефону, но даже сквозь ее вольное или невольное сито отсеивания умудрялись просачиваться многие детали.

— В два года еще не говорит, зато ходит уверенно и крепко.

— Назвал Ань Чжи — надеюсь, что бы в будущем с ней ни случилось, она сможет встретить это с миром и принять всё как есть.

— Говорить-то начала, да вот болтать не любит. Чтобы заставить ее побольше разговаривать, я на днях потратил время и заставил выучить наизусть династийные стихи, прямо как ты в детстве.

— Ребенок очень умный, только слишком тихий... Не хочешь сказать ей пару слов?

Каждый раз она молча выслушивала и переводила разговор на другую тему. Отец на том конце провода тоже умолкал на несколько секунд, после чего подхватывал ее новую тему.

Иной раз он подшучивал: — Интересно, в кого она уродилась такой сдержанной и интровертной?

Она не знала. Сама она вовсе не обладала таким характером — с ранних лет она была упорной, стремилась преуспеть во всем, любила общаться с людьми и испытывала неутолимую жажду самовыражения. Перепрыгнув через класс в начальной школе, она поступила в лучшую среднюю школу уезда, а по результатам государственного экзамена прошла в один из лучших

университетов всей страны — в столичном Бэйчэне.

Если бы не случайное знакомство с Чэнь Муци, потеря бдительности и последовавшая за этим беременность...

Изначально она вовсе не планировала оставлять ребенка. Тогда она училась только на первом курсе, ее мечты еще даже не успели толком оформиться, а о том, чтобы стать матерью-одиночкой, она и помыслить не могла. К тому же Чэнь Муци оказался трусом: услышав о ее беременности, он побелел от страха, его даже не хватило на то, чтобы четко сказать, нужен ему ребенок или нет, а его родители смотрели на нее так, будто она собиралась всеми правдами и неправдами присосаться к их сыну.

Лишь ее отец поднялся во весь рост и произнес: — Этот ребенок принадлежит семье Тао.

У Тао Чжэньчжэнь защипало глаза. Ее отец был самым надежным мужчиной из всех, кого она знала. Тогда он привел ее домой, не страшась злых языков, и за всю историю не сказал ей по этому поводу ни единого упрека. Когда девочка родилась, он обратился к своему ученику, работавшему в полицейском участке, и ее записали на семью Тао. Он любил этого ребенка так же нежно, как и ее саму.

Сама же она никак не желала принимать девочку и даже не заводила о ней разговор первой. Ведь та была живым свидетельством ее юношеской слепоты и совершенной ошибки, воплощением высокомерных, полных презрения взглядов родителей Чэнь Муци, живым напоминанием о том, как из гордости учителей — чужого ребенка — она превратилась в падшую несовершеннолетнюю девчонку, забеременевшую из-за собственной распущенности.

При этой мысли в душе Тао Чжэньчжэнь поднялась волна раздражения. Она снова покосилась на ребенка и заметила, что та уже давно проснулась и молча смотрит прямо на нее.

Глаза девочки — зрачки совсем черные, влажные. Миндалевидные глаза, тонкие брови — всё это казалось ей до боли знакомым.

Внутренняя тревога вспыхнула с новой силой: плоть от плоти ее собственная, сколько ни отрицай, этот факт не замазать ничем.

Ребенок ничего не говорила, а просто продолжала молча смотреть на нее.

Она отвернулась.

В молчании они добрались до вокзала. Тао Чжэньчжэнь толкнула дверцу и вышла. За рулем сидел земляк — худощавый парень с темной от загара кожей. Он вытащил ее чемодан и наотрез отказался брать деньги.

Тао Чжэньчжэнь в белом платье, с точеной талией и красивой грудью, прекрасная, словно струящийся свет, приковала к себе бесчисленные взгляды.

Простодушный парень украдкой посмотрел на нее еще несколько раз и только потом уехал, вполне довольный.

Машина тронулась с места, оставив на перроне двух женщин — большую и маленькую. Старшая, с уставшим лицом, опиралась рукой на чемодан, младшая, совсем еще зеленая, за спиной носила детский рюкзачок в виде крольчонка.

Перед тем как войти в здание вокзала, Тао Чжэньчжэнь оглянулась, точно зная, что никогда сюда уже не вернется.

Она вздернула подбородок и бросила: — Пойдем.

Тао Аньчжи, пристроив за спиной маленький рюкзак, семенила за ней крошечными шажками. В свои шесть лет она выглядела очень худенькой и хрупкой. Ей еще никогда не доводилось бывать в таких местах, и всё вокруг казалось ей чужим и оглушительно шумным. Она подняла голову на женщину: та одной рукой катила чемодан, а другая ее рука была свободна, пальцы — мягкими и белыми.

Она прождала долго, вплоть до самого вагонного купе, но так и не дождалась, чтобы эта рука протянулась и взяла ее за ручку.

Они ехали во втором классе, людей было немного. Рядом расположилась молодая пара с трех- или четырехлетним мальчиком. Ребенок не привык к поездкам и вскоре после отправления его укачало. С покрасневшими глазами он смотрел на родителей, а мама успокаивала его: — Ничего страшного, малыш, мама попросит тетю-проводницу убрать здесь.

Отец погладил его по голове, помог всё вытереть, а затем усадил к себе на колени и стал вместе с ним смотреть мультфильм про Тома и Джерри, пока улыбающаяся мама поила сына водой.

Тао Аньчжи долго смотрела на них. Не выдержав, она бросила взгляд в сторону попутчицы. Женщина слегка отвернулась, лицо ее почти целиком скрывали солнцезащитные очки, и она давно спала.

Аньчжи повернула голову обратно, обняла руками висевший на груди рюкзачок, немного помедлила и уткнулась в него лицом. Пробыв в Бэйчэне два дня, Тао Чжэньчжэнь наконец связалась с Чэнь Муци. Ей потребовалось целых три телефонных звонка, чтобы он полностью осознал и переварил тот факт, что кому-то из них двоих придется взять на себя заботу о ребенке.

С большим трудом договорившись о встрече для обсуждения этого вопроса, она положила трубку и тяжело вздохнула.

В этом году она окончила университет, сдала GRE на высокий балл и даже получила приглашение от неплохого калифорнийского вуза.

Она с таким трудом ступила на путь, о котором так долго мечтала, и никто не сможет ей помешать — она обязана сделать всё возможное, чтобы Чэнь Муци забрал ребенка.

Поэтому она была бессердечной, она это признавала. Она избегала лишнего зрительного контакта с девочкой. Ребенок, как и говорил его отец, вел себя очень тихо и совершенно не доставлял хлопот. Что велели — то и делала, что давали — то и ела. Настолько тихо, что казалось, будто ее вовсе не существует. Разве что надев новую одежду, которую та ей купила, она подтянула рукава и тихо пробормотала:

— Слишком большая...

Тао Чжэньчжэнь бросила взгляд: рукава оказались слишком длинными, да и подол платья тоже свисал чересчур низко. Она нахмурилась — продавец-консультант явно уверяла, что это наряд на шестилетнего ребёнка.

Окинув её взглядом, Тао Чжэньчжэнь прикинула, что ростом эта девочка и впрямь не очень-то похожа на шестилетку — уж больно низкорослая.

Она на мгновение потеряла дар речи, затем присела на корточки, подогнула ей рукава с обеих сторон и, помедлив, произнесла:

— Я специально взяла на вырост, чтобы подольше поносила... Затем, сама не зная почему, она добавила: Дети быстро растут, поэтому одежду обычно покупают на вырост.

Тао Аньчжи посмотрела на неё и согласно кивнула своей маленькой головкой: Дедушка говорил то же самое.

Рука Тао Чжэньчжэнь замерла, и в душе вдруг разлилось какое-то теплое чувство. Помолчав несколько секунд, она произнесла: Дедушка ушел совсем недавно, нам нельзя носить слишком яркую одежду... Подожди... купим потом.

Она так и не смогла договорить: Подожди, когда-нибудь я куплю тебе другую.

Ведь обещания нужно выполнять, а потому пришлось вот так всё замять.

В глазах Тао Аньчжи мелькнул легкий блеск, она надула губки и снова согласно кивнула.

Тао Чжэньчжэнь неловко поднялась на ноги.

В этот момент зазвонил дверной звонок, как нельзя кстати предоставив ей предлог отвлечься.

Тао Чжэньчжэнь подошла к двери и открыла её.

Тао Аньчжи выглянула из-за её спины, осторожно разглядывая гостя. Рост метр семьдесят пять, слегка удлиненные вьющиеся волосы, белая футболка, джинсы с огромной дырой на

колоне и пятнышком чернил. Весь его облик был опрятным и утонченным, а из-за худобы от него веяло хрупким артистизмом.

Кожа у него была очень светлая, почти как у Тао Чжэньчжэнь. Встретившись с ней взглядом, он почесал затылок и неловко улыбнулся: Привет...

Выражение лица Тао Чжэньчжэнь, в котором холод смешивался с легкой меланхолией, не изменилось, она лишь кивнула: Входи. Чэнь Муци только переступил порог, как увидел в гостинной маленькую девочку лет четырёх. На ней было чёрное платье с белым воротничком, а широко открытые любопытные глаза цвета тёмной воды смотрели на него снизу вверх, обрамлённые пухлыми розовыми щечками. Она напоминала крошечный, нежный бутон, только-только показавшийся из воды весеннего пруда.

Чэнь Муци нерешительно сделал шаг вперед и склонился.

Раздался голос Тао Чжэньчжэнь: — Ань Чжи, это твой папа.

Чэнь Муци словно внезапно ужалило что-то, он потог руки и выдавил из себя подобие улыбки. Сухо и неуклюже вымолвил: — Привет... Ань Чжи...

Ань Чжи моргнула, потеряв ладошки о подол платья, и только открыла рот, как увидела, что стоящий перед ней мужчина неестественно отвернулся.

Она опешила.

Чэнь Муци чувствовал себя настолько неловко, что был готов сквозь землю провалиться. Какая, к черту, шутка? Ему казалось, что он и сам еще не вырос, толком не разобрался в жизни, а тут в одночасье должен стать отцом.

Впрочем, не то чтобы в одночасье, он уже давно был отцом. Просто в тот год отец забрал Тао Чжэньчжэнь обратно, и с тех пор о ней почти ничего не было слышно. Пережив первое время тревогу и страх, он постепенно забросил эти мысли, и со временем ему стало казаться, что он и впрямь всё позабыл.

Подумать только, он ведь никогда не думал ни о детях, ни о женитьбе. Оба его старших брата уже давным-давно обзавелись семьями, у каждого по четверо детей. Его родители и братья — люди деловые, простые, и только он с малых лет мечтал стать художником, даже сменил имя на Муци. «Ци» — в честь Ци Байши.

Если подумать, до чего же ему не везло: разве это не была самая обычная случайная связь? Он же пользовался средствами защиты, откуда ж было знать, что эта «защита» никуда не годится? Его семя пустило корни и проросло в благодатной почве Тао Чжэньчжэнь, и вот теперь превратилось в этот живой, от которого никуда не денешься, «плод».

По дороге сюда Чэнь Муци со страхом думал: раз отец Тао Чжэньчжэнь, по слухам, умер, неужели она вздумает повесить ребенка на него?

Если уж на то пошло, условия для опеки у Тао Чжэньчжэнь были куда лучше, чем у него. Окончила престижный университет с отличными оценками, наверняка без труда найдёт хорошую работу и уж точно запросто сможет заботиться о ребёнке.

А он, Чэнь Муци? Хоть его семья и богата, эти деньги принадлежат родителям, а сам он до сих пор каждый месяц получает у них содержание. Он палец о палец не умеет ударить, ничего

толком не смыслит в жизни, несколько раз пытался поступить в Бэйчхенскую академию художеств, да так и не смог. Сейчас он учится живописи у известного в художественных кругах мастера, и только за год обучения нужно выкладывать двести тысяч, не говоря уже о постоянных поездках на этюды и прочем — у него попросту нет ни времени, ни условий для ухода за маленьким ребёнком.

Перед тем как прийти сюда, он снова и снова прокручивал в голове все эти доводы, и только тогда на душе немного отлегло.

Да, этот ребёнок ни в коем случае не должен остаться с ним.

<http://bllate.org/book/25515/3043621>